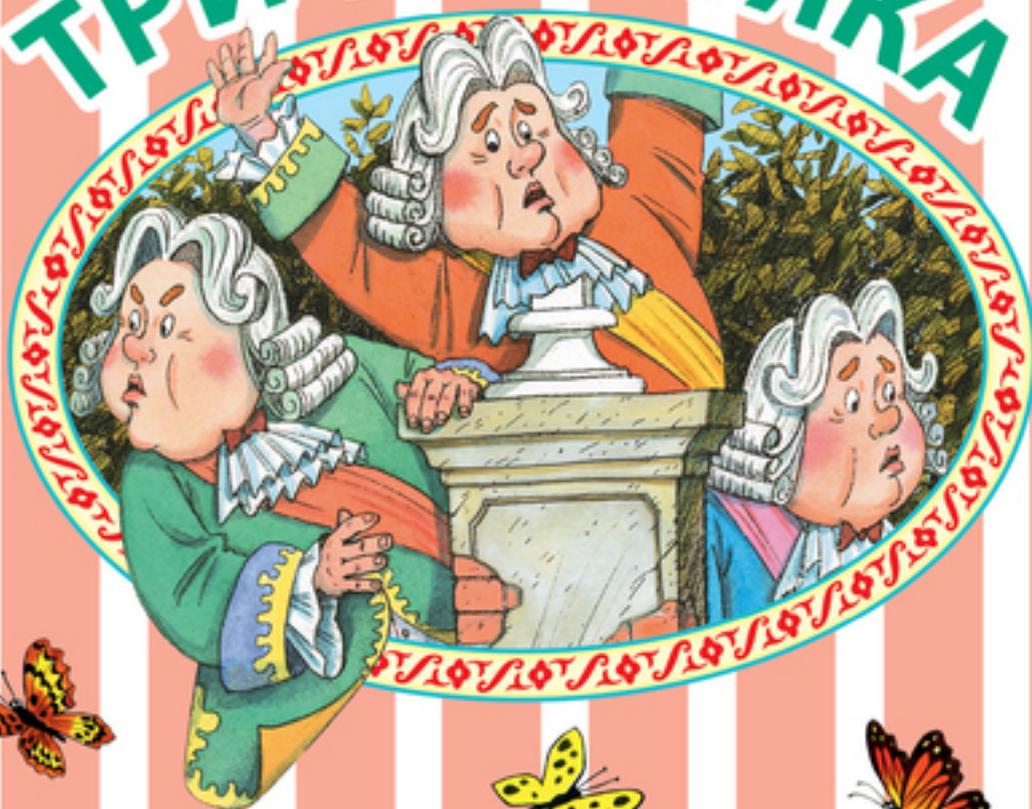

Юрий
Олеша

ТРИ ТОЛСТЯКА

Иллюстрированное чтение (АСТ)

Юрий Олеша

Три Толстяка: сказочная повесть

«АСТ»

1924

УДК 821.161.1-31-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Олеша Ю. К.

Три Толстяка: сказочная повесть / Ю. К. Олеша — «АСТ»,
1924 — (Иллюстрированное чтение (АСТ))

ISBN 978-5-17-089940-1

Сказочная повесть Юрия Карловича Олеша (1899–1960) для детей про девочку Суок, канатоходца Тибула, оружейника Просперо, доктора Гаспара Арнери. Про то, как они вместе с народом победили своих ужасных правителей – Трёх Толстяков. Для младшего школьного возраста.

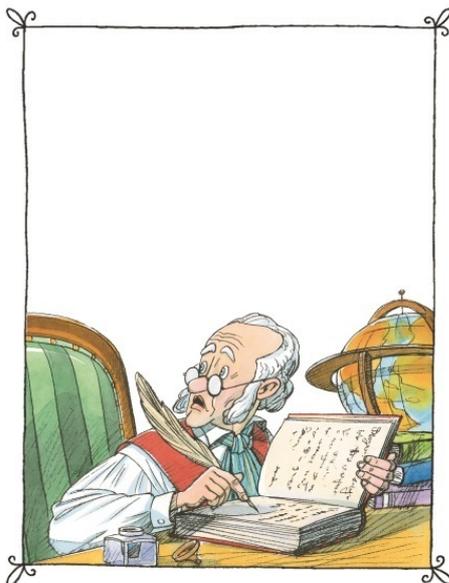
УДК 821.161.1-31-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-089940-1

© Олеша Ю. К., 1924
© АСТ, 1924

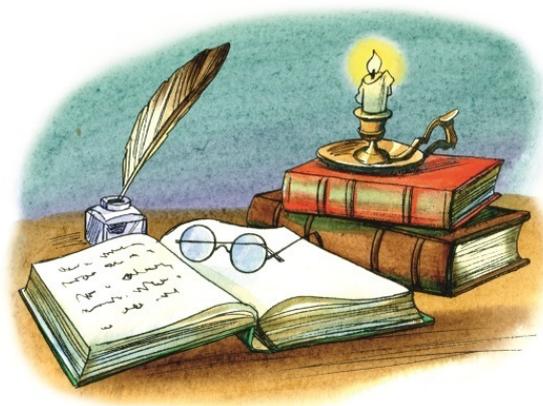
Содержание

Часть первая	5
Глава I	6
Глава II	12
Глава III	17
Часть вторая	24
Глава IV	25
Конец ознакомительного фрагмента.	38

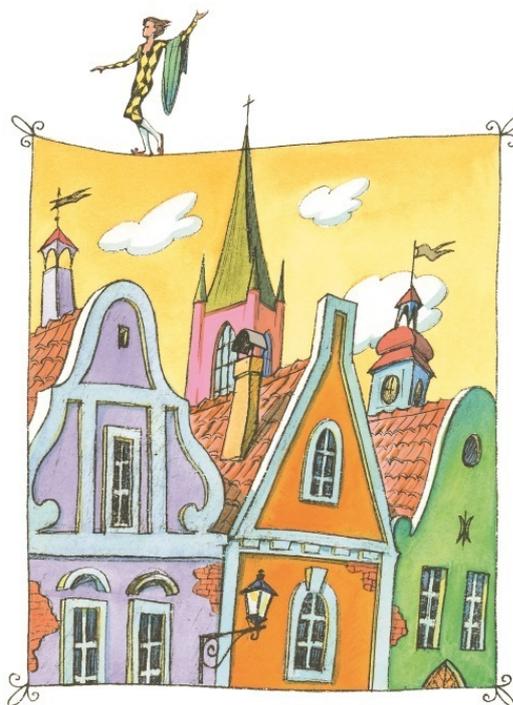

Юрий Карлович Олеша Три Толстяка: сказочная повесть

Часть первая
Канатоходец Тибул

Глава I БЕСПОКОЙНЫЙ ДЕНЬ ДОКТОРА ГАСПАРА АРНЕРИ

Время волшебников прошло. По всей вероятности, их никогда и не было на самом деле. Все это выдумки и сказки для совсем маленьких детей. Просто некоторые фокусники умели так ловко обманывать всяких зевак, что этих фокусников принимали за колдунов и волшебников.

Был такой доктор. Звали его Гаспар Арнери. Наивный человек, ярмарочный гуляка, недоучившийся студент могли бы его тоже принять за волшебника. В самом деле, этот доктор делал такие удивительные вещи, что они действительно походили на чудеса. Конечно, ничего общего он не имел с волшебниками и шарлатанами, дурачившими слишком доверчивый народ.

Доктор Гаспар Арнери был учёный. Пожалуй, он изучил около ста наук. Во всяком случае, никого не было в стране мудрей и учёней Гаспара Арнери.

О его учёности знали все: и мельник, и солдат, и дамы, и министры. А школьники распевали про него песенку с таким припевом:

Как лететь с земли до звёзд,
Как поймать лису за хвост,
Как из камня сделать пар,
Знает доктор наш Гаспар.

Однажды летом, в июне, когда выдалась очень хорошая погода, доктор Гаспар Арнери решил отправиться в далёкую прогулку, чтобы собрать некоторые виды трав и жуков.

Доктор Гаспар был человек немолодой и поэтому боялся дождя и ветра. Выходя из дому, он обматывал шею толстым шарфом, надевал очки против пыли, брал трость, чтобы не споткнуться, и вообще собирался на прогулку с большими предосторожностями.

На этот раз день был чудесный; солнце только то и делало, что сияло; трава была такой зелёной, что во рту даже появлялось ощущение сладости; летали одуванчики, свистели птицы, лёгкий ветерок развевался, как воздушное бальное платье.

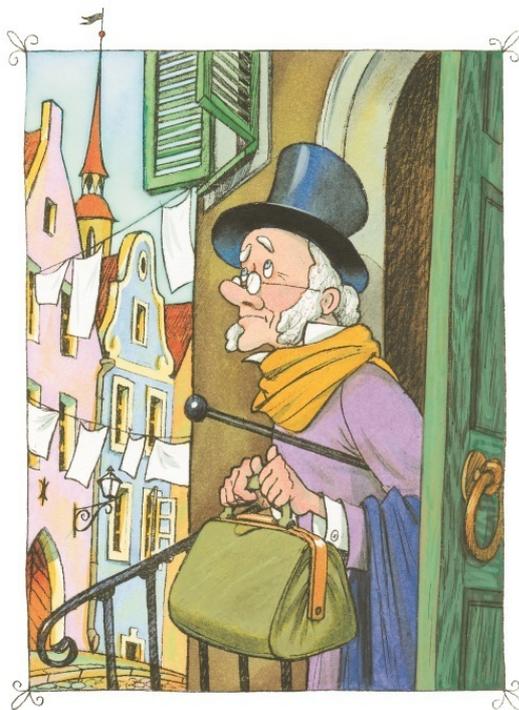
– Вот это хорошо, – сказал доктор, – только всё-таки нужно взять плащ, потому что летняя погода обманлива. Может пойти дождь.

Доктор распорядился по хозяйству, подул на очки, захватил свой ящичек, вроде чемодана, из зелёной кожи и пошёл.

Самые интересные места были за городом – там, где находился Дворец Трёх Толстяков. Доктор чаще всего посещал эти места. Дворец Трёх Толстяков стоял посреди огромного парка. Парк был окружён глубокими каналами. Над каналами висели чёрные железные мосты. Мосты охранялись дворцовой стражей – гвардейцами в чёрных клеёнчатых шляпах с жёлтыми перьями. Вокруг парка до самой небесной черты находились луга, засыпанные цветами, рощи и пруды. Здесь было отличное место для прогулок. Здесь росли самые интересные породы трав, здесь звенели самые красивые жуки и пели самые искусные птицы.

«Но пешком идти далеко. Я дойду до городского вала и найду извозчика. Он довезёт меня до дворцового парка», – подумал доктор.

Возле городского вала народу было больше, чем всегда.

«Разве сегодня воскресенье? – усомнился доктор. – Не думаю. Сегодня вторник».

Доктор подошёл ближе.

Вся площадь была запружена народом. Доктор увидел ремесленников в серых суконных куртках с зелёными обшлагами; моряков с лицами цвета глины; зажиточных горожан в цветных жилетах, с их жёнами, у которых юбки походили на розовые кусты; торговцев с графинами, лотками, мороженицами и жаровнями; тощих площадных актёров, зелёных, жёлтых и пёстрых, как будто сшитых из лоскутного одеяла; совсем маленьких ребят, тянувших за хвосты рыжих весёлых собак.

Все толпились перед городскими воротами. Огромные, высотой с дом, железные ворота были наглухо закрыты.

«Почему закрыты ворота?» – удивлялся доктор.

Толпа шумела, все говорили громко, кричали, бранились, но толком ничего нельзя было разобрать. Доктор подошёл к молодой женщине, державшей на руках толстую серую кошку, и спросил:

– Будьте добры, объясните, что здесь происходит? Почему народу так много, что за причина его волнения и почему закрыты городские ворота?

– Гвардейцы не выпускают людей из города...

– Почему же их не выпускают?

– Чтобы они не помогли тем, которые уже вышли из города и пошли к Дворцу Трёх Толстяков.

– Я ничего не понимаю, гражданка, и прошу меня простить...

– Ах, да неужели вы не знаете, что сегодня оружейник Просперо и гимнаст Тибул повели народ, чтобы взять штурмом Дворец Трёх Толстяков?

– Оружейник Просперо?

– Да, гражданин... Вал высок, и по ту сторону засели гвардейские стрелки. Никто не выйдет из города, и тех, кто пошёл с оружейником Просперо, дворцовая гвардия перебьёт.

И действительно, грохнуло несколько очень далёких выстрелов.

Женщина уронила толстую кошку. Кошка шлёпнулась, как сырое тесто. Толпа заревела.

«Значит, я прозевал такое значительное событие, – подумал доктор. – Правда, я целый месяц не выходил из комнаты. Я работал взаперти. Я ничего не знал...»

В это время, ещё дальше, ударила несколько раз пушка. Гром запрыгал, как мяч, и покатился по ветру. Не только доктор испугался и поспешно отступил на несколько шагов – вся толпа шарахнулась и развалилась. Дети заплакали; голуби разлетелись, затрещав крыльями; собаки присели и стали выть.

Началась сильная пушечная стрельба. Шум поднялся невообразимый. Толпа наседала на ворота и кричала:

- Просперо! Просперо!
- Долой Трёх Толстяков!

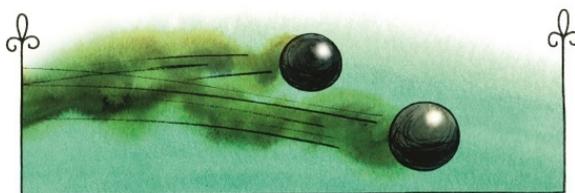
Доктор Гаспар совсем растерялся. Его узнали в толпе, потому что многие знали его в лицо. Некоторые бросились к нему, как будто ища у него защиты. Но доктор сам чуть не плакал.

«Что там делается? Как бы узнать, что там делается, за воротами? Может быть, народ побеждает, а может быть, уже всех перестреляли!»

Тогда человек десять побежали в ту сторону, где от площади начинались три узенькие улочки. На углу был дом с высокой старой башней. Вместе с остальными доктор решил забраться на башню. Внизу была прачечная, похожая на баню. Там было темно, как в подвале. Кверху вела винтовая лестница. В узкие окошки проникал свет, но его было очень мало, и все поднимались медленно, с большим трудом, тем более что лестница была ветхая и с поломанными перилами. Нетрудно представить, сколько труда и волнений стоило доктору Гаспару подняться на самый верхний этаж. Во всяком случае, ещё на двадцатой ступеньке, в темноте, раздался его крик:

– Ах, у меня лопается сердце, и я потерял каблук!

Плащ доктор потерял ещё на площади, после десятого выстрела из пушки.

На вершине башни была площадка, окружённая каменными перилами. Отсюда открывался вид по крайней мере километров на пятьдесят вокруг. Некогда было любоваться видом, хотя вид этого заслуживал. Все смотрели в ту сторону, где происходило сражение.

– У меня есть бинокль. Я всегда ношу с собой бинокль с восемью стеклами. Вот он, – сказал доктор и отстегнул ремешок.

Бинокль переходил из рук в руки.

Доктор Гаспар увидел на зелёном пространстве множество людей. Они бежали к городу. Они удирали. Издалека люди казались разноцветными флажками. Гвардейцы на лошадях гнались за народом.

Доктор Гаспар подумал, что всё это похоже на картинку волшебного фонаря. Солнце ярко светило, блестела зелень. Бомбы разрывались, как кусочки ваты; пламя появлялось на одну секунду, как будто кто-то пускал в толпу солнечных зайчиков. Лошади гарцевали, поднимались на дыбы и вертелись волчком. Парк и Дворец Трёх Толстяков заволокло белым прозрачным дымом.

– Они бегут!

– Они бегут... Народ побеждён!

Бегущие люди приближались к городу. Целые кучи людей падали по дороге. Казалось, что на зелень сыплются разноцветные лоскутки.

Бомба просвистела над площадью.

Кто-то, испугавшись, уронил бинокль.

Бомба разорвалась, и все, кто был на верхушке башни, кинулись обратно, вниз, внутрь башни.

Слесарь зацепился кожаным фартуком за какой-то крюк. Он оглянулся, увидел нечто ужасное и заорал на всю площадь:

– Бегите! Они схватили оружейника Просперо! Они сейчас войдут в город!

На площади началась кутерьма.

Толпа отхлынула от ворот и побежала с площади к улочкам. Все оглохли от пальбы.

Доктор Гаспар и ещё двое остановились на третьем этаже башни. Они смотрели из узкого окошка, пробитого в толстой стене.

Только один мог выглянуть как следует. Остальные смотрели одним глазом.

Доктор тоже смотрел одним глазом. Но и для одного глаза зрелище было достаточно страшное.

Громадные железные ворота распахнулись во всю ширину. Человек триста влетели в эти ворота сразу. Это были ремесленники в серых суконных куртках с зелёными обшлагами. Они падали, обливаясь кровью.

По их головам скакали гвардейцы. Гвардейцы рубили саблями и стреляли из ружей. Жёлтые перья развевались, сверкали чёрные клеёнчатые шляпы, лошади разевали красные пасти, выворачивали глаза и разбрасывали пену.

– Смотрите! Смотрите! Просперо! – закричал доктор.

Оружейника Просперо тащили в петле. Он шёл, валился и опять поднимался. У него были спутанные рыжие волосы, окровавленное лицо и шея обхвачена толстой петлёй.

– Просперо! Он попал в плен! – закричал доктор.

В это время бомба влетела в прачечную. Башня наклонилась, качнулась, одну секунду задержалась в косом положении и рухнула.

Доктор полетел кувырком, теряя второй каблук, трость, чемоданчик и очки.

Глава II ДЕСЯТЬ ПЛАХ

Доктор упал счастливо: он не разбил головы и ноги у него остались целы. Впрочем, это ничего не значит. Даже и счастливое падение вместе с подстреленной башней не совсем приятно, в особенности для человека не молодого, а скорее старого, каким был доктор Гаспар Арнери. Во всяком случае, от одного испуга доктор потерял сознание.

Когда он пришёл в себя, уже был вечер. Доктор посмотрел вокруг:

– Какая досада! Очки, конечно, разбились. Когда я смотрю без очков, я, вероятно, вижу так, как видит не близорукий человек, если надевает очки. Это очень неприятно.

Потом он поворчал по поводу отломанных каблуков:

– Я и так невелик ростом, а теперь стану на вершок ниже. Или, может быть, на два вершка, потому что отломались два каблука? Нет, конечно, только на один вершок...

Он лежал на куче щебня. Почти вся башня развалилась. Длинный и узкий кусок стены торчал, как кость. Очень далеко играла музыка. Весёлый вальс улетал с ветром – пропадал и не возвращался. Доктор поднял голову. Наверху свисали с разных сторон чёрные поломанные стропила. На зеленоватом вечернем небе блистали звёзды.

– Где это играют? – удивился доктор.

Без плаща становилось холодно. Ни один голос не звучал на площади. Доктор, кряхтя, поднялся среди камней, повалившихся друг на дружку. По дороге он зацепился за чей-то большой сапог. Слесарь лежал, вытянувшись поперёк балки, и смотрел в небо. Доктор пошевелил его. Слесарь не хотел вставать. Он умер.

Доктор поднял руку, чтобы снять шляпу.

– Шляпу я тоже потерял. Куда же мне идти?

Он ушёл с площади. На дороге лежали люди; доктор низко наклонялся над каждым и видел, как звёзды отражаются в их широко раскрытых глазах. Он трогал ладонью их лбы. Они были очень холодные и мокрые от крови, которая ночью казалась чёрной.

– Вот! Вот! – шептал доктор. – Значит, народ побеждён... Что же теперь будет?

Через полчаса он добрался до людных мест. Он очень устал. Ему хотелось есть и пить. Здесь город имел обычный вид.

Доктор стоял на перекрёстке, отдыхая от долгой ходьбы, и думал: «Как странно! Горят разноцветные огни, мчатся экипажи, звенят стеклянные двери. Полукруглые окна сияют золотым сиянием. Там вдоль колонн мелькают пары. Там весёлый бал. Китайские цветные фонарики кружатся над чёрной водой. Люди живут так, как жили вчера. Неужели они не знают о том, что произошло сегодня утром? Разве они не слышали пальбы и стонов? Разве они не знают, что вождь народа, оружейник Просперо, взят в плен? Может быть, ничего и не случилось? Может быть, мне приснился страшный сон?»

На углу, где горел трёхрукий фонарь, вдоль тротуара стояли экипажи. Цветочницы продавали розы. Кучера переговаривались с цветочницами.

– Его протащили в петле через весь город. Бедняжка!

– Теперь его посадили в железную клетку. Клетка стоит во Дворце Трёх Толстяков, – сказал толстый кучер в голубом цилиндре с бантиком.

Тут к цветочницам подошла дама с девочкой, чтобы купить розы.

– Кого посадили в клетку? – заинтересовалась она.

– Оружейника Просперо. Гвардейцы взяли его в плен.

– Ну и слава Богу! – сказала дама.

Девочка захныкала.

– Отчего же ты плачешь, глупенькая? – удивилась дама. – Ты жалеешь оружейника Просперо? Не надо его жалеть. Он хотел нам вреда... Посмотри, какие красивые розы...

Большие розы, как лебеди, медленно плавали в мисках, полных горьковатой воды и листьев.

– Вот тебе три розы. А плакать незачем. Они мятежники. Если их не сажать в железные клетки, то они заберут наши дома, платья и наши розы, а нас перережут.

В это время пробежал мимо мальчишка. Он дёрнул сначала даму за её плащ, расшитый звёздами, а после девочку за её косичку.

– Ничего, графиня! – крикнул мальчишка. – Оружейник Просперо в клетке, а гимнаст Тибул на свободе!

– Ах, нахал!

Дама топнула ногой и уронила сумочку. Цветочницы начали звонко смеяться. Толстый кучер воспользовался суматохой и предложил даме сесть в экипаж и поехать.

Дама и девочка укатили.

– Подожди, прыгун! – крикнула цветочница мальчику. – Иди-ка сюда! Расскажи, что ты знаешь...

Два кучера сошли с козел и, путаясь в своих капотах с пятью пелеринками, подошли к цветочницам.

«Вот кнут так кнут! Кнутище!» – подумал мальчишка, глядя на длинный бич, которым помахивал кучер. Мальчишке очень захотелось иметь такой кнут, но это было невозможно по многим причинам.

– Так что ты говоришь? – спросил кучер басом. – Гимнаст Тибул на свободе?

– Так говорят. Я был в порту...

– Разве его не убили гвардейцы? – спросил другой кучер тоже басом.

– Нет, папаша... Красотка, подари мне одну розу!

– Подожди, дурак! Ты лучше рассказывай...

– Да. Вот, значит, так... Сначала все думали, что он убит. Потом искали его среди мёртвых и не нашли.

– Может быть, его сбросили в канал? – спросил кучер.

В разговор вмешался нищий.

– Кого в канал? – спросил он. – Гимнаст Тибул не котёнок. Его не утопишь! Гимнаст Тибул жив. Ему удалось бежать!

– Врешь, верблюд! – сказал кучер.

– Гимнаст Тибул жив! – закричали цветочницы в восторге.

Мальчишка стянул розу и бросился бежать. Капли с мок-рого цветка посыпались на доктора. Доктор вытер с лица капли, горькие, как слёзы, и подошёл ближе, чтобы послушать, что скажет нищий.

Тут разговору помешало некоторое обстоятельство. На улице появилась необыкновенная процессия. Впереди ехали два всадника с факелами. Факелы развевались, как огненные бороды. Затем медленно двигалась чёрная карета с гербом.

А позади шли плотники. Их было сто.

Они шли с засученными рукавами, готовые к работе, – в фартуках, с пилами, рубанками и ящиками под мышкой. По обе стороны процессии ехали гвардейцы. Они сдерживали лошадей, которым хотелось скакать.

– Что это? Что это? – заволновались прохожие.

В чёрной карете с гербом сидел чиновник Совета Трёх Толстяков. Цветочницы перепугались. Подняв ладони к щекам, они смотрели на его голову. Она была видна через стеклянную дверцу. Улица была ярко освещена. Чёрная голова в парике покачивалась, как мёртвая. Казалось, что в карете сидит птица.

– Сторонись! – кричали гвардейцы.

– Куда идут плотники? – спросила маленькая цветочница старшего гвардейца.

И гвардеец прокричал ей в самое лицо так свирепо, что у неё раздулись волосы, точно на сквозняке:

– Плотники идут строить плахи! Поняла? Плотники построят десять плах!

– А!

Цветочница уронила миску. Розы вылились, как компот.

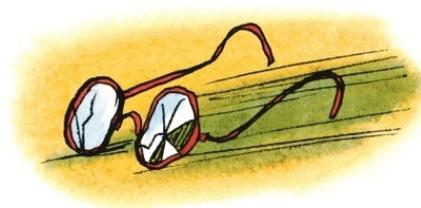
– Они идут строить плахи! – повторил доктор Гаспар в ужасе.

– Плахи! – прокричал гвардеец, оборачиваясь и скаля зубы под усами, похожими на сапоги. – Плахи всем мятежникам! Всем отрубят головы! Всем, кто осмелится восстать против власти Трёх Толстяков!

У доктора закружилась голова. Ему показалось, что он упадёт в обморок.

«Я слишком много пережил за этот день, – сказал он про себя, – и, кроме того, я очень голоден и очень устал. Нужно поторопиться домой».

В самом деле, доктору пора было отдохнуть. Он так был взволнован всем происшедшим, увиденным и услышанным, что даже не придавал значения собственному полёту вместе с башней, отсутствию шляпы, плаща, трости и каблучков. Хуже всего было, конечно, без очков. Он нанял экипаж и отправился домой.

Глава III ПЛОЩАДЬ ЗВЕЗДЫ

Доктор возвращался домой. Он ехал по широчайшим асфальтовым улицам, которые были освещены ярче, чем залы, и цепь фонарей бежала над ним высоко в небе. Фонари походили на шары, наполненные ослепительным кипящим молоком. Вокруг фонарей сыпалась, пела и гибла мошкара. Он ехал по набережным, вдоль каменных оград. Там бронзовые львы держали в лапах щиты и высовывали длинные языки. Внизу медленно и густо шла вода, чёрная и блестящая, как смола. Город опрокидывался в воду, тонул, уплывал и не мог уплыть, только растворялся нежными золотистыми пятнами. Он ехал мостами, изогнутыми в виде арок. Снизу или с другого берега они казались кошками, выгибающими перед прыжком железные спины.

Здесь, у въезда, на каждом мосту располагалась охрана. Солдаты сидели на барабанах, курили трубки, играли в карты и зевали, глядя на звёзды. Доктор ехал, смотрел и слушал.

С улицы, из домов, из раскрытых окон кабачков, из-за оград увеселительных садов неслись отдельные слова песенки:

Попал Просперо в меткий
Смирительный ошейник —
Сидит в железной клетке
Ретивый оружейник.

Подвыпивший франт подхватил этот куплет. У франта умерла тётка, имевшая очень много денег, ещё больше веснушек и не имевшая ни одного родственника. Франт получил в наследство все тёткины деньги. Поэтому он был, конечно, недоволен тем, что народ поднимается против власти богачей.

В зверинце шло большое представление. На деревянной сцене три толстые косматые обезьяны изображали Трёх Толстяков. Фокстерьер играл на мандолине. Клоун в малиновом костюме, с золотым солнцем на спине и с золотой звездой на животе, в такт музыке декламировал стихи:

Как три пшеничные мешка,
Три развалились Толстяка!
У них важнее нет забот,
Как только вырастить живот!
Эй, берегитесь, Толстяки:
Пришли последние деньки!

– Пришли последние деньки! – закричали со всех сторон бородатые попугаи.

Шум поднялся невероятный. Звери в разных клетках начали лаять, рычать, щёлкать, свистать.

Обезьяны заметались по сцене. Нельзя было понять, где у них руки, где ноги. Они прыгнули в публику и бросились удирать.

В публике тоже произошёл скандал. Особенно шумели те, кто был потолще. Толстяки с покрасневшими щёками, трясясь от злости, швыряли в клоуна шляпы и бинокли. Толстая дама замахнулась зонтиком и, зацепив толстую соседку, сорвала с неё шляпу.

– Ах, ах, ах! – закудахтала соседка и воздела руки, потому что вместе со шляпой слетел и парик.

Обезьяна, удирая, хлопнула по лысой голове дамы ладонью. Соседка упала в обморок.

– Ха-ха-ха!

– Ха-ха-ха! – заливалась другая часть публики, потоньше на вид и похуже одетая. – Bravo! Bravo! Ату их! Долой Трёх Толстяков! Да здравствует Просперо! Да здравствует Тибул! Да здравствует народ!

В это время раздался чей-то очень громкий крик:

– Пожар! Город горит...

Люди, дав друг друга и опрокидывая скамейки, побежали к выходам. Сторожа ловили разбежавшихся обезьян.

Возница, который вёз доктора, повернулся и сказал, указывая впереди себя кнутом:

– Гвардейцы сжигают кварталы рабочих. Они хотят найти гимнаста Тибула...

Над городом, над чёрной кучей домов, дрожало розовое зарево.

Когда экипаж доктора очутился у главной городской площади, которая называлась Площадью Звезды, проехать оказалось невозможным. При въезде столпилась масса экипажей, карет, всадников, пешеходов.

– Что такое? – спросил доктор.

Никто ничего не ответил, потому что все были заняты тем, что происходило на площади. Возница поднялся во весь рост на козлах и стал тоже глядеть туда.

Называли эту площадь Площадью Звезды по следующей причине. Она была окружена огромными, одинаковой высоты и формы домами и покрыта стеклянным куполом, что делало её похожей на колоссальный цирк. В середине купола, на страшной высоте, горел самый большой в мире фонарь.

Это был удивительной величины шар. Охваченный поперёк железным кольцом, висевший на мощных тросах, он напоминал планету Сатурн. Свет его был так прекрасен и так не похож на какой бы то ни было земной свет, что люди дали этому фонарю чудесное имя – Звезда. Так стали называть и всю площадь.

Ни на площади, ни в домах, ни на улицах поблизости не требовалось больше никакого света. Звезда освещала все закоулки, все уголки и чуланчики во всех домах, окружавших площадь каменным кольцом. Здесь люди обходились без ламп и свечей.

Возница смотрел вверх карет, экипажей и кучерских цилиндров, похожих на головки аптекарских пузырьков.

– Что вы видите?.. Что там происходит? – волновался доктор, выглядывая из-за спины кучера. Маленький доктор ничего не мог увидеть, тем более что был близорук.

Возница передавал всё, что видел. И вот что он видел.

На площади было большое волнение. По огромному круглому пространству бегали люди. Казалось, что круг площади вращается, как карусель. Люди перекачивались с одного места на другое, чтобы лучше увидеть то, что делалось наверху.

Чудовищный фонарь, пылавший на высоте, ослеплял глаза, как солнце. Люди задирали головы кверху и прикрывали глаза ладонями.

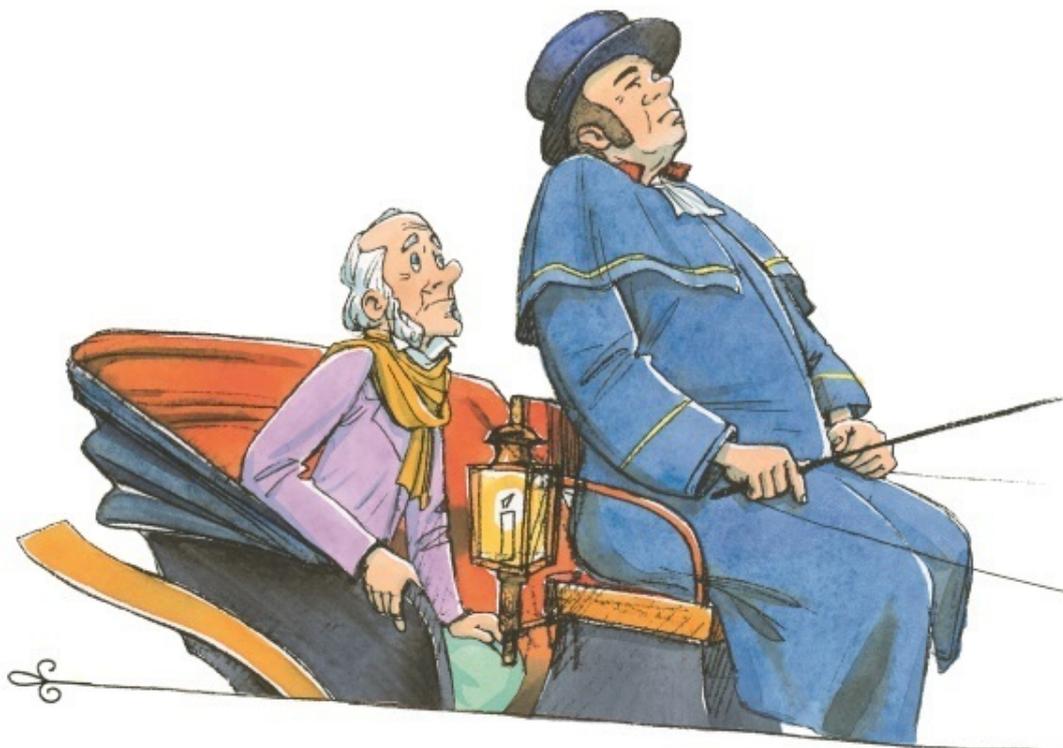
– Вот он! Вот он! – раздавались крики.

– Вот, смотрите! Там!

– Где? Где?

– Выше!

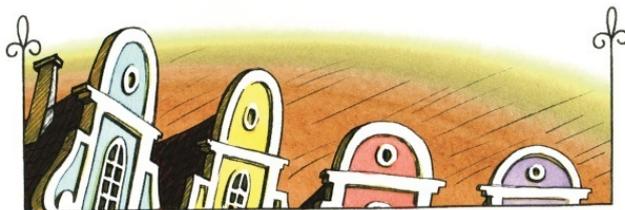
– Тибул! Тибул!

Сотни указательных пальцев вытянулись влево. Там стоял обыкновенный дом. Но в шести этажах были растворены все окна. Из каждого окна торчали головы. Они были разные по виду: некоторые в ночных колпаках с кисточками; другие в розовых чепцах, с буклями керосинного цвета; третьи в косынках; наверху, где жила бедная молодежь – поэты, художники, актрисы, – выглядывали весёлые безусые лица, в облаках табачного дыма, и головки женщин, окружённые таким сиянием золотых волос, что казалось, будто на плечах у них крылья. Этот дом с растворёнными решётчатыми окошками, из которых по-птичьему высовывались разноцветные головы, походил на большую клетку, наполненную щеглами. Обладатели голов старались увидеть нечто очень значительное, что происходило на крыше. Это было так же невозможно, как увидеть собственные уши без зеркала. Таким зеркалом для этих людей, хотевших увидеть собственную крышу из собственного дома, была толпа, бесновавшаяся на площади. Она видела всё, кричала, размахивала руками: одни выражали восторг, другие – негодование.

Там по крыше двигалась маленькая фигурка. Она медленно, осторожно и уверенно спускалась по наклону тре-угольной верхушки дома. Железо гремело под её ногами.

Она размахивала плащом, лоя равновесие, подобно тому как канатоходец в цирке находит равновесие при помощи жёлтого китайского зонта.

Это был гимнаст Тибул.

Народ кричал:

– Bravo, Тибул! Bravo, Тибул!

– Держись! Вспомни, как ты ходил по канату на ярмарке...

– Он не упадёт! Он лучший гимнаст в стране...

– Ему не впервые. Мы видели, как он искусен в ходьбе по канату.

– Bravo, Тибул!

– Беги! Спасайся! Освободи Просперо!

Другие были возмущены. Они потрясали кулаками:

– Никуда не убежишь, жалкий фигляр!

– Плут!

– Мятежник! Тебя подстрелят, как зайца...

– Берегись! Мы с крыши стащим тебя на плаху. Завтра будет готово десять плах!

Тибул продолжал свой страшный путь.

– Откуда он взялся? – спрашивали люди. – Как он появился на этой площади? Как он попал на крышу?

– Он вырвался из рук гвардейцев, – отвечали другие. – Он бежал, исчез, потом его видели в разных частях города – он перебирался по крышам. Он ловок, как кошка. Его искусство ему пригодилось. Недаром слава о нём прошла по всей стране.

На площади появились гвардейцы. Зеваки бежали к боковым улицам. Тибул перешагнул через барьер и стал на карнизе. Он вытянул руку, обмотанную плащом. Зелёный плащ развевался, как знамя.

С этим же плащом, в этом же трико, сшитом из жёлтых и чёрных треугольников, народ привык его видеть во время представлений на ярмарках и воскресных гуляньях. Теперь высоко, под стеклянным куполом, маленький, тоненький и полосатый, он был похож на осу, ползающую по белой стене дома. Когда плащ раздувался, казалось, что оса раскрывает зелёные блестящие крылья.

– Сейчас ты свалишься, площадной плут! Сейчас тебя подстрелят! – закричал подвыпивший франт, получивший наследство от веснушчатой тётки.

Гвардейцы выбрали удобную позицию. Офицер бегал крайне озабоченный. В руках он держал пистолет. Шпоры у него были длинные, как полозья.

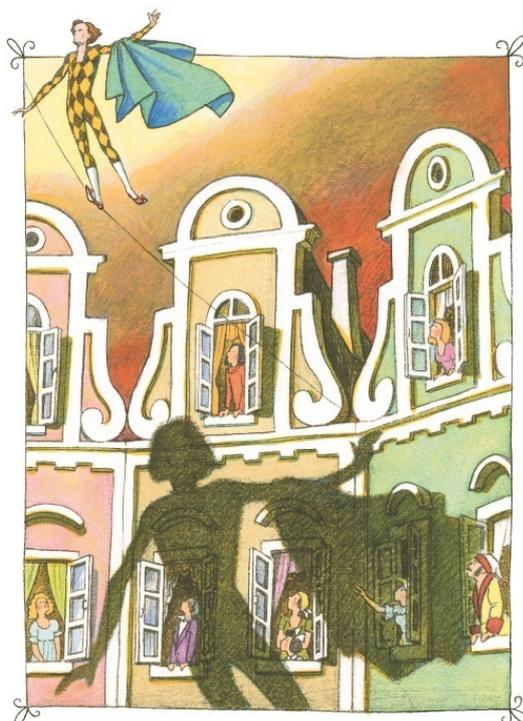
Наступила полная тишина. Доктор схватился за сердце, которое прыгало, как яйцо в кипятке.

Тибул задержался секунду на карнизе. Ему нужно было пробраться на противоположную сторону площади – тогда он мог бы бежать с Площади Звезды в сторону рабочих кварталов.

Офицер стал посередине площади на клумбу, пестревшую жёлтыми и синими цветами. Здесь были бассейн и фонтан, бивший из круглой каменной чаши.

– Стойте! – сказал офицер солдатам. – Я его сам подстрелю. Я лучший стрелок в полку. Учитесь, как нужно стрелять!

От девяти домов, со всех сторон, к середине купола, к Звезде, тянулось девять стальных тросов (проволок, толстых, как морской канат).

Казалось, что от фонаря, от пылающей великолепной Звезды, разлеталось над площадью девять чёрных длинейших лучей.

Неизвестно, о чём думал в эту минуту Тибул. Но, вероятно, он решил так: «Я перейду над площадью по этой проволоке, как ходил по канату на ярмарке. Я не упаду. Одна проволока тянется к фонарю, другая – от фонаря к противоположному дому. Пройдя по обеим проволокам, я достигну противоположной крыши и спасусь».

Офицер поднял пистолет и стал прицеливаться. Тибул дошёл по карнизу до того места, где начиналась проволока, отделился от стены и двинулся по проволоке к фонарю.

Толпа ахнула.

Он шёл то очень медленно, то вдруг пускался почти бегом, быстро и осторожно переступая, покачиваясь, распрямив руки. Каждую минуту казалось, что он упадёт. Теперь появилась его тень на стене. Чем более он приближался к фонарю, тем ниже опускалась тень по стене и тем она становилась больше и бледнее.

Внизу была пропасть.

И когда он был на середине пути до фонаря, в полной тишине раздался голос офицера: – Сейчас я выстрелю. Он полетит прямо в бассейн. Раз, два, три!

Выстрел грохнул. Тибул продолжал идти, а офицер почему-то свалился прямо в бассейн. Он был убит.

Один из гвардейцев держал пистолет, из которого шёл голубой дымок. Он застрелил офицера.

– Собака! – сказал гвардеец. – Ты хотел убить друга народа. Я помешал этому. Да здравствует народ!

– Да здравствует народ! – поддержали его другие гвардейцы.

– Да здравствуют Три Толстяка! – закричали их противники.

Они рассыпались во все стороны и открыли пальбу в человека, который шёл по проволоке.

Он был уже в двух шагах от фонаря. Взмахами плаща Тибул защищал глаза от блеска. Пули летели мимо. Толпа ревела в восторге.

Бах! Бах!

– Мимо!

– Ура! Мимо!

Тибул взобрался на кольцо, окружавшее фонарь.

– Ничего! – кричали гвардейцы. – Он перейдёт на ту сторону... Он пойдёт по другой проволоке. Оттуда мы и снимем его!

Тут произошло такое, чего никто не ожидал. Полосатая фигурка, в блеске фонаря ставшая чёрной, присела на зелёном кольце, повернула какой-то рычаг, что-то щёлкнуло, звякнуло – и фонарь мгновенно потух. Никто не успел сказать ни слова. Сталось страшно темно и страшно тихо, как в сундуке.

А в следующую минуту высоко-высоко что-то снова стукнуло и зазвенело. В тёмном куполе открылся бледный квадрат. Все увидели кусочек неба с двумя маленькими звёздочками. Потом в этот квадрат, на фоне неба, пролезла чёрная фигурка, и было слышно, как кто-то быстро побежал по стеклянному куполу.

Гимнаст Тибул спасся с Площади Звезды через люк.

Лошади испугались выстрелов и внезапной темноты.

Экипаж доктора едва не опрокинулся. Кучер круто свернул и повёз доктора окольным путём.

Таким образом, пережив необыкновенный день и не-обыкновенную ночь, доктор Гаспар Арнери вернулся наконец домой. Его экономка, тётушка Ганимед, встретила его на крыльце. Она была очень взволнована. В самом деле: доктор так долго отсутствовал! Тётушка Ганимед всплёскивала руками, охала, качала головой:

– Где же ваши очки?.. Они разбились? Ах, доктор, доктор! Где же ваш плащ?.. Вы его потеряли? Ах, ах!..

– Тётушка Ганимед, я, кроме того, обломал оба каблука...

– Ах, какое несчастье!

– Сегодня случилось тяжёлое несчастье, тётушка Ганимед: оружейник Просперо попал в плен. Его посадили в железную клетку.

Тётушка Ганимед ничего не знала о том, что происходило днём. Она слышала пушечную пальбу, она видела зарево над домами. Соседка рассказала ей о том, что сто плотников строят на Площади Суда плахи для мятежников.

– Мне стало очень страшно. Я закрыла ставни и решила никуда не выходить. Я ждала вас каждую минуту. Я очень волновалась... Обед простыл, ужин простыл, а вас всё нет... – добавила она.

Ночь кончилась. Доктор стал укладываться спать.

Среди ста наук, которые он изучал, была история. У доктора была большая книга в кожаном переплёте. В этой книге он записывал свои рассуждения о важных событиях.

– Надо быть аккуратным, – сказал доктор, подняв палец.

И, несмотря на усталость, доктор взял свою кожаную книгу, сел к столу и стал записывать. «Ремесленники, рудокопы, матросы – весь бедный рабочий люд города поднялся против власти Трёх Толстяков. Гвардейцы победили. Оружейник Просперо взят в плен, а гимнаст Тибул бежал. Только что на Площади Звезды гвардеец застрелил своего офицера. Это значит, что вскоре все солдаты откажутся воевать против народа и защищать Трёх Толстяков. Однако приходится опасаться за участь Тибула...»

Тут доктор услышал позади себя шум. Он оглянулся. Там был камин. Из каминного проёма вылез высокий человек в зелёном плаще. Это был гимнаст Тибул.

Часть вторая Кукла наследника Тутти

Глава IV

УДИВИТЕЛЬНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ ПРОДАВЦА ВОЗДУШНЫХ ШАРОВ

На другой день на Площади Суда кипела работа: плотники строили десять плах. Конвой гвардейцев надзирал за работой. Плотники делали своё дело без особой охоты.

– Мы не хотим строить плахи для ремесленников и рудокопов! – возмущались они.

– Это наши братья!

– Они шли на смерть, чтобы освободить всех, кто трудится!

– Молчать! – орал начальник конвоя таким страшным голосом, что от крика валились доски, приготовленные для постройки. – Молчать, или я прикажу хлестать вас плетьюми!

С утра толпы народа с разных сторон направлялись к Площади Суда.

Дул сильный ветер, летела пыль, вывески раскачивались и скрежетали, шляпы срывались с головы и катились под колёса прыгающих экипажей.

В одном месте по причине ветра случилось совсем невероятное происшествие: продавец детских воздушных шаров был унесён шарами на воздух.

– Ура! Ура! – кричали дети, наблюдая фантастический полёт.

Они хлопали в ладоши: во-первых, зрелище было интересно само по себе, а во-вторых, некоторая приятность для детей заключалась в неприятности положения летающего продавца шаров. «Дети всегда завидовали этому продавцу. Зависть – дурное чувство. Но что же делать! Воздушные шары, красные, синие, жёлтые, казались великолепными. Каждому хотелось иметь такой шар. Продавец имел их целую кучу. Но чудес не бывает! Ни одному мальчику, самому послушному, и ни одной девочке, самой внимательной, продавец ни разу в жизни не подарил ни одного шара: ни красного, ни синего, ни жёлтого.

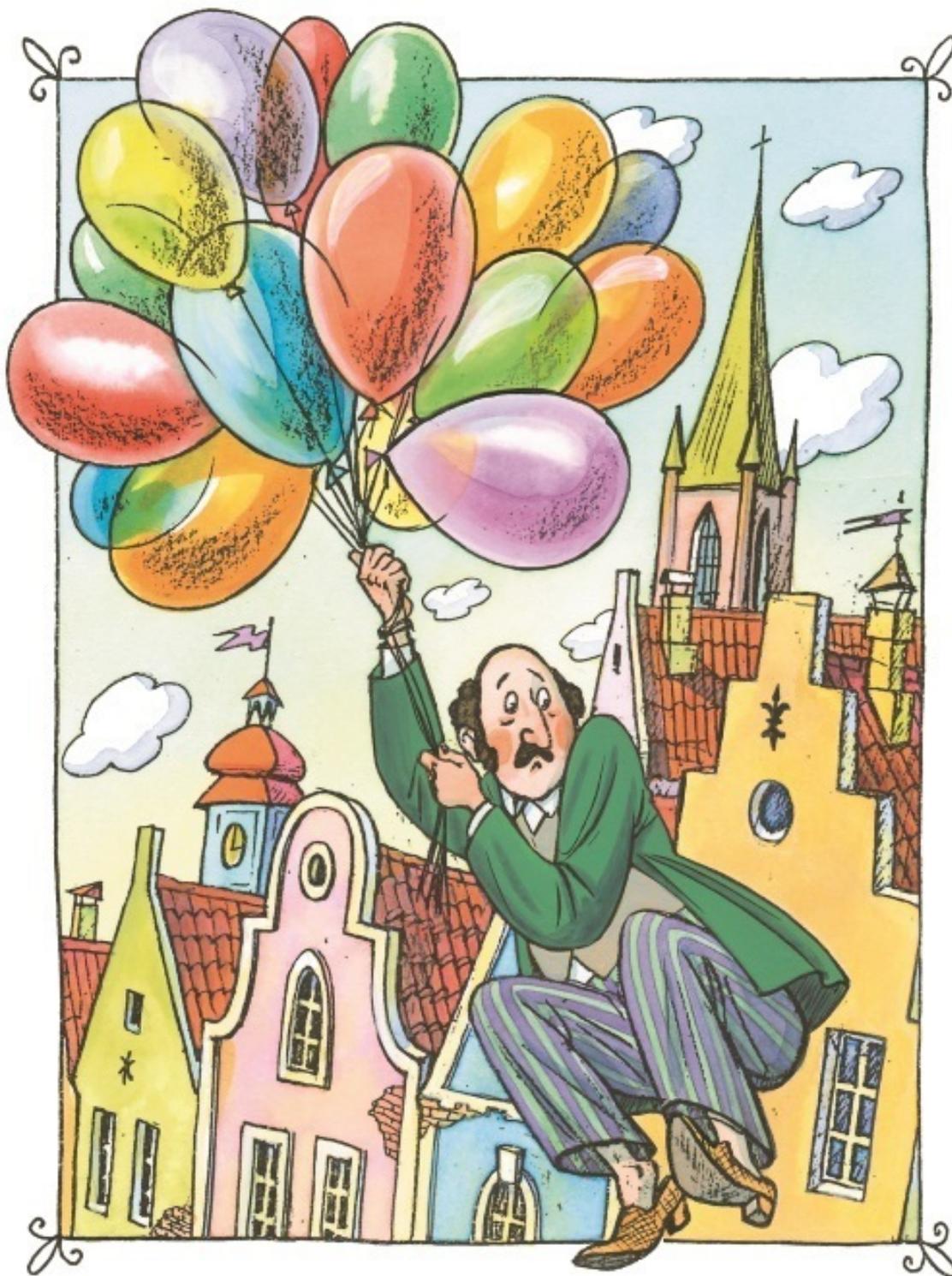
Теперь судьба наказала его за чёрствость. Он летел над городом, повиснув на верёвочке, к которой были привязаны шары. Высоко в сверкающем синем небе они походили на волшебную летающую гроздь разноцветного винограда.

– Караул! – кричал продавец, ни на что не надеясь и дрыгая ногами.

На ногах у него были соломенные, слишком большие для него башмаки. Пока он ходил по земле, всё устраивалось благополучно. Для того чтобы башмаки не спадали, он тянул ногами по тротуару, как лентяй. А теперь, очутившись в воздухе, он не мог уже прибегнуть к этой хитрости.

– Чёрт возьми!

Куча шаров, взвиваясь и поскрипывая, моталась по ветру.

Один башмак всё-таки слетел.

– Смотри! Китайский орех! Китайский орех! – кричали дети, бежавшие внизу.
Действительно, падавший башмак напоминал китайский орех.

По улице в это время проходил учитель танцев. Он казался очень изящным. Он был длинный, с маленькой круглой головой, с тонкими ножками – похожий не то на скрипку, не

то на кузнечика. Его деликатный слух, привыкший к печальному голосу флейты и нежным словам танцоров, не мог вынести громких, весёлых криков детворы.

– Перестаньте кричать! – рассердился он. – Разве можно так громко кричать! Выразить восторг нужно красивыми, мелодичными фразами... Ну, например...

Он стал в позу, но не успел привести примера. Как и всякий учитель танцев, он имел привычку смотреть главным образом вниз, под ноги. Увы! Он не увидел того, что делалось наверху.

Башмак продавца свалился ему на голову. Головка у него была маленькая, и большой соломенный башмак пришёлся на неё как шляпа.

Тут уж и элегантный учитель танцев взвыл, как погонщик ленивых волов. Башмак закрыл половину лица.

Дети схватились за животы:

– Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!
Учитель танцев Раздватрис
Смотрел обыкновенно вниз.
Пищал учитель, точно крыса,
Был у него длиннющий нос,
И вот к носищу Раздватриса
Башмак соломенный прирос!

Так распевали мальчики, сидя на заборе, готовые каждую минуту свалиться по ту сторону и улепетнуть.

– Ах! – стонал учитель танцев. – Ах, как я страдаю! И хоть бы бальный башмачок, а то такой отвратительный, грубый башмак!

Кончилось тем, что учителя танцев арестовали.

– Милый, – сказали ему, – ваш вид возбуждает ужас. Вы нарушаете общественную тишину. Это не следует делать вообще, а тем более в такое тревожное время.

Учитель танцев заламывал руки.

– Какая ложь! – рыдал он. – Какой поклёп! Я, человек, живущий среди вальсов и улыбок, я, сама фигура которого подобна скрипичному ключу, – разве я могу нарушить общественную тишину? О!.. О!..

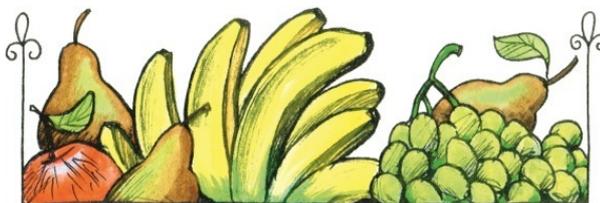
Что было дальше с учителем танцев – неизвестно. Да, наконец, и неинтересно. Гораздо важнее узнать, что стало с летающим продавцом воздушных шаров.

Он летел, как хороший одуванчик.

– Это возмутительно! – вопил продавец. – Я не хочу летать! Я просто не умею летать...

Всё было бесполезно. Ветер усиливался. Куча шаров поднималась всё выше и выше. Ветер гнал её за город, в сторону Дворца Трёх Толстяков.

Иногда продавцу удавалось посмотреть вниз. Тогда он видел крыши, черепицы, похожие на грязные ногти, кварталы, голубую узкую воду, людей-карапузиков и зелёную кашу садов. Город поворачивался под ним, точно приколотый на булавке.

Дело принимало скверный оборот.

«Ещё немного, и я упаду в парк Трёх Толстяков!» – ужаснулся продавец.

А в следующую минуту он медленно, важно и красиво проплыл над парком, опускаясь всё ниже и ниже. Ветер успокаивался.

«Пожалуй, я сейчас сяду на землю. Меня схватят, сначала побьют основательно, а потом посадят в тюрьму или, чтобы не возиться, сразу отрубят голову».

Его никто не увидел. Только с одного дерева прыгнули во все стороны перепуганные птицы. От летящей разноцветной кучи шаров падала лёгкая, воздушная тень, подобная тени облака. Просвечивая радужными весёлыми красками, она скользнула по дорожке, усыпанной гравием, по клумбе, по статуе мальчика, сидящего верхом на гусе, и по гвардейцу, который заснул на часах. И от этого с лицом гвардейца произошли чудесные перемены. Сразу его нос стал синий, как у мертвеца, потом зелёный, как у фокусника, и наконец красный, как у пьяницы. Так, меняя окраску, пересыпаются стёклышки в калейдоскопе.

Приближалась роковая минута: продавец направлялся к раскрытым окнам дворца. Он не сомневался, что сейчас влетит в одно из них, точно пушинка.

Так и случилось.

Продавец влетел в окно. И окно оказалось окном дворцовой кухни. Это было кондитерское отделение.

Сегодня во Дворце Трёх Толстяков предполагался парадный завтрак по случаю удачного подавления вчерашнего мятежа. После завтрака Три Толстяка, весь Государственный совет, свита и почтенные гости собирались ехать на Площадь Суда.

Друзья мои, попасть в дворцовую кондитерскую – дело очень заманчивое. Толстяки знали толк в яствах. К тому же и случай был исключительный. Парадный завтрак! Можете себе представить, какую интересную работу делали сегодня дворцовые повара и кондитеры.

Влетая в кондитерскую, продавец почувствовал в одно и то же время ужас и восторг. Так, вероятно, ужасается и восторгается оса, летящая на торт, выставленный на окне беззаботной хозяйкой.

Он летел одну минуту, он ничего не успел разглядеть как следует. Сперва ему показалось, что он попал в какой-то удивительный птичник, где возлились, с пением и свистом, шипя и треща, разноцветные драгоценные птицы южных стран.

А в следующее мгновение он подумал, что это не птичник, а фруктовая лавка, полная тропических плодов, раздавленных, сочащихся, залитых собственным соком. Сладкое головокружительное благоухание ударило ему в нос; жар и духота спёрли ему горло.

Тут уже всё смешалось: и удивительный птичник, и фруктовая лавка.

Продавец со всего размаху сел во что-то мягкое и тёплое. Шаров он не выпускал – он крепко держал верёвочку. Шары неподвижно остановились у него над головой.

Он зажмурил глаза и решил их не раскрывать – ни за что в жизни.

«Теперь я понимаю всё, – подумал он, – это не птичник и не фруктовая лавка. Это кондитерская. А я сижу в торте!»

Так оно и было.

Он сидел в царстве шоколада, апельсинов, гранатов, крема, цукатов, сахарной пудры и варенья, и сидел на троне, как повелитель пахучего разноцветного царства. Троном был торт.

Он не раскрывал глаз. Он ожидал невероятного скандала, бури – и был готов ко всему. Но случилось то, чего он никак не ожидал.

– Торт погиб, – сказал младший кондитер сурово и печально.

Потом наступила тишина. Только лопались пузыри на кипящем шоколаде.

– Что будет? – шептал продавец шаров, задыхаясь от страха и до боли сжимая веки.

Сердце его прыгало, как копейка в копилке.

– Чепуха! – сказал старший кондитер так же сурово. – В зале съели второе блюдо. Через двадцать минут нужно подавать торт. Разноцветные шары и тупая рожа летающего негодяя послужат прекрасным украшением для парадного торта. – И, сказав это, кондитер заорал: – Давай крем!!

И действительно дали крем.

Что это было!

Три кондитера и двадцать поварят набросились на продавца с рвением, достойным похвалы самого толстого из Трёх Толстяков. В одну минуту его облепили со всех сторон. Он сидел с закрытыми глазами, он ничего не видел, но зрелище было чудовищное. Его залепили сплошь. Голова, круглая рожа, похожая на чайник, расписанный маргаритками, торчала наружу. Остальное было покрыто белым кремом, имевшим прелестный розовый оттенок.

Продавец мог показаться чем угодно, но сходство с самим собой он потерял, как потерял свой соломенный башмак.

Поэт мог принять теперь его за лебедя в белоснежном оперении, садовник – за мраморную статую, прачка – за гору мыльной пены, а шалун – за снежную бабу.

Наверху висели шары. Украшение было из ряда вон выходящее, но, однако, всё вместе составляло довольно интересную картину.

– Так, – сказал главный кондитер тоном художника, любующегося собственной картиной. И потом голос, так же как и в первый раз, сделался свирепым, и кондитер за-орал: – Цукаты!!

Появились цукаты. Всех сортов, всех видов, всех форм: горьковатые, ванильные, кисленькие, треугольные, звездочки, круглые, полумесяцы, розочки.

Поварята работали вовсю. Не успел главный кондитер хлопнуть три раза в ладоши, как вся куча крема, весь торт оказался утыканным цукатами.

– Готово! – сказал главный кондитер. – Теперь, пожалуй, нужно сунуть его в печь, чтобы слегка подрумянить.

«В печь! – ужаснулся продавец. – Что? В какую печь? Меня в печь?!»

Тут в кондитерскую вбежал один из слуг.

– Торт! Торт! – закричал он. – Немедленно торт! В зале ждут сладкого.

– Готово! – ответил главный кондитер.

«Ну, слава Богу!» – подумал продавец. Теперь он чуточку приоткрыл глаза.

Шестеро слуг в голубых ливреях подняли огромное блюдо, на котором он сидел. Его понесли. Уже удаляясь, он слышал, как хохотали над ним поварята.

По широкой лестнице его понесли кверху, в зал. Продавец снова на секунду зажмурился. В зале было шумно и весело. Звучало множество голосов, гремел смех, слышались аплодисменты. По всем признакам, парадный завтрак удался на славу.

Продавца, или, вернее, торт, принесли и поставили на стол.

Тогда продавец открыл глаза.

И тут же он увидел Трёх Толстяков.

Они были такие толстые, что у продавца раскрылся рот.

«Надо немедленно его закрыть, – сразу же спохватился он. – В моём положении лучше не подавать признаков жизни».

Но, увы, рот не закрывался. Так продолжалось две минуты. Потом удивление продавца уменьшилось. Сделав усилие, он закрыл рот. Но тогда немедленно вытаращились глаза. С большим трудом, закрывая поочередно то рот, то глаза, он окончательно поборол своё удивление.

Толстяки сидели на главных местах, возвышаясь над остальным обществом.

Они ели больше всех. Один даже начал есть салфетку.

– Вы едите салфетку...

– Неужели? Это я увлёкся...

Он оставил салфетку и тут же принялся жевать ухо Третьего Толстяка. Между прочим, оно имело вид вареника.

Все покатались со смеху.

– Оставим шутки, – сказал Второй Толстяк, поднимая вилку. – Дело принимает серьёзный оборот. Принесли торт.

– Ура!

Поднялось общее оживление.

«Что будет? – мучился продавец. – Что будет? Они меня съедят!»

В это время часы пробили два.

– Через час на Площади Суда начнётся казнь, – сказал Первый Толстяк.

– Первым, конечно, казнят оружейника Просперо? – спросил кто-то из почётных гостей.

– Его не будут сегодня казнить, – ответил государственный канцлер.

– Как? Как? Почему?

– Мы пока что сохраняем ему жизнь. Мы хотим узнать от него планы мятежников, имена главных заговорщиков.

– Где же он теперь?

Всё общество было очень заинтересовано. Даже забыли о торте.

– Он по-прежнему сидит в железной клетке. Клетка находится здесь, во дворце, в зверинце наследника Тутти.

– Позовите его...

– Приведите его сюда! – сказал Первый Толстяк. – Пусть наши гости посмотрят на этого зверя вблизи. Я бы предложил всем пройти в зверинец, но там рёв, писк, вонь... Это гораздо хуже звона бокалов и запаха фруктов...

– Конечно! Конечно! Не стоит идти в зверинец...

– Пусть приведут Просперо сюда. Мы будем есть торт и рассматривать это чудовище. «Опять торт! – испугался продавец. – Дался им этот торт... Обжоры!»

– Приведите Просперо, – сказал Первый Толстяк.

Государственный канцлер вышел. Слуги, стоявшие в виде коридора, раздвинулись и поклонились. Коридор стал вдвое ниже.

Обжоры затихли.

– Он очень страшен, – сказал Второй Толстяк. – Он сильнее всех. Он сильнее льва. Ненависть прожгла ему глаза. Нет силы смотреть в них.

– У него ужасная голова, – сказал секретарь Государственного совета. – Она огромна. Она похожа на капитальную колонну. У него рыжие волосы. Можно подумать, что его голова объята пламенем.

Теперь, когда зашёл разговор об оружейнике Просперо, с обжорами произошла перемена. Они перестали есть, шутить, шуметь, подобрали животы, некоторые даже побледнели. Уже многие были недовольны тем, что захотели его увидеть.

Три Толстяка сделались серьёзны и как будто слегка похудели.

Вдруг все замолкли. Наступила полная тишина. Каждый из Толстяков сделал такое движение, как будто хотел спрятаться за другого.

В зал ввели оружейника Просперо.

Впереди шёл государственный канцлер. По сторонам – гвардейцы. Они вошли, не сняв своих чёрных клеёнчатых шляп, держа наголо сабли. Звенела цепь. Руки оружейника были закованы. Его подвели к столу. Он остановился в нескольких шагах от Толстяков. Оружейник Просперо стоял, опустив голову. Пленник был бледен. Кровь запеклась у него на лбу и на висках, под спутанными рыжими волосами.

Он поднял голову и посмотрел на Толстяков. Все сидевшие вблизи отшатнулись.

– Зачем вы его привели? – раздался крик одного из гостей. Это был самый богатый мельник страны. – Я его боюсь!

И мельник упал в обморок, носом прямо в кисель. Некоторые гости бросились к выходам. Тут уж было не до торта.

– Что вам от меня нужно? – спросил оружейник.

Первый Толстяк набрался духу.

– Мы хотели посмотреть на тебя, – сказал он. – А тебе разве не интересно увидеть тех, в чьих руках ты находишься?

– Мне противно вас видеть.

– Скоро мы тебе отрубим голову. Таким образом мы поможем тебе не видеть нас.

– Я не боюсь. Моя голова – одна. У народа сотни тысяч голов. Вы их не отрубите.

– Сегодня на Площади Суда – казнь. Там палачи расправятся с твоими товарищами.

Обжоры слегка усмехнулись. Мельник пришёл в себя и даже слизал кисельные розы со своих щёк.

– Ваш мозг заплыл жиром, – говорил Просперо. – Вы ничего не видите дальше своего брюха!..

– Скажите пожалуйста! – обиделся Второй Толстяк. – А что же мы должны видеть?

– Спросите ваших министров. Они знают о том, что делается в стране.

Государственный канцлер неопределённо крикнул. Министры забарабанили пальцами по тарелкам.

– Спросите их, – продолжал Просперо, – они вам расскажут...

Он остановился. Все насторожились.

– Они вам расскажут о том, что крестьяне, у которых вы отнимаете хлеб, добытый тяжёлым трудом, поднимаются против помещиков. Они сжигают их дворцы, они выгоняют их со своей земли. Рудокопы не хотят добывать уголь для того, чтобы вы завладели им. Рабочие ломают машины, чтобы не работать ради вашего обогащения. Матросы выбрасывают ваши грузы в море. Солдаты отказываются служить вам. Учёные, чиновники, судьи, актёры переходят на сторону народа. Все, кто раньше работал на вас и получал за это гроши, в то время как вы жирели, все несчастные, обездоленные, голодные, исхудалые, сироты, калеки, нищие, – все идут войной против вас, против жирных, богатых, заменивших сердце камнем...

– Мне кажется, что он говорит лишнее, – вмешался государственный канцлер.

Но Просперо говорил дальше:

– Пятнадцать лет я учил народ ненавидеть вас и вашу власть. О, как давно мы собираем силы! Теперь пришёл ваш последний час...

– Довольно! – пискнул Третий Толстяк.

– Нужно его посадить обратно в клетку, – предложил Второй.

А Первый сказал:

– Ты будешь сидеть в своей клетке до тех пор, пока мы не поймем гимнаста Тибула. Мы вас казним вместе. Народ увидит ваши трупы. У него надолго пропадёт охота воевать с нами!

Просперо молчал. Он снова опустил голову.

Толстяк продолжал:

– Ты забыл, с кем хочешь воевать. Мы, Три Толстяка, сильны и могущественны. Всё принадлежит нам. Я, Первый Толстяк, владею всем хлебом, который родит наша земля. Второму Толстяку принадлежит весь уголь, а Третий скупил всё железо. Мы богаче всех! Самый богатый человек в стране беднее нас в сто раз. За наше золото мы можем купить всё, что хотим!

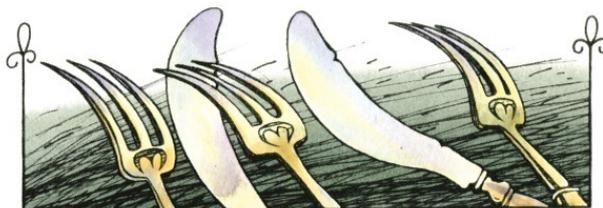
Тут обжоры пришли в неистовство. Слова Толстяка придали им храбрости.

– В клетку его! В клетку! – начали они кричать.

- В зверинец!
 - В клетку!
 - Мятежник!
 - В клетку!
- Просперо увели.
– А теперь будем есть торт, – сказал Первый Толстяк.
«Конец», – решил продавец.

- Все взоры устремились на него. Он закрыл глаза. Обжоры веселились:
- Хо-хо-хо!
 - Ха-ха-ха! Какой чудесный торт! Посмотрите на шары!
 - Они восхитительны.
 - Посмотрите на эту рожу!
 - Она чудесна.
- Все двинулись к торту.
– А что внутри этого смешного чучела? – спросил кто-то и больно щёлкнул продавца по лбу.
- Должно быть, конфеты.
 - Или шампанское...
 - Очень интересно! Очень интересно!
 - Давайте сперва отрежем ему голову и посмотрим, что получится...
 - Ай!
- Продавец не выдержал, сказал очень внятно: «Ай!» – и раскрыл глаза.
Любопытные отпрянули. И в этот момент в галерее раздался громкий детский крик:
- Кукла! Моя кукла!
- Все прислушались. Особенно взволновались Три Толстяка и государственный канцлер.
Крик перешёл в плач. В галерее громко плакал обиженный мальчик.
- Что такое? – спросил Первый Толстяк. – Это плачет наследник Тутти!
 - Это плачет наследник Тутти! – в один голос повторили Второй и Третий Толстяки.
- Все трое побледнели. Они были очень испуганы.

Государственный канцлер, несколько министров и слуги понеслись к выходу на галерею.

– Что такое? Что такое? – шёпотом зашумел зал.

Мальчик вбежал в зал. Он растолкал министров и слуг. Он подбежал к Толстякам, тряся волосами и сверкая лаковыми туфлями. Рыдая, он выкрикивал отдельные слова, которых никто не понимал.

«Этот мальчишка увидит меня! – взволновался продавец. – Проклятый крем, который мешает мне дышать и двинуть хотя бы пальцем, конечно, очень понравится мальчишке. Чтобы он не плакал, ему, конечно, отрежут кусочек торта вместе с моей пяткой».

Но мальчик даже не посмотрел на торт. Даже чудесные воздушные шары, висевшие над круглой головой продавца, не привлекли его внимания.

Он горько плакал.

– В чём дело? – спросил Первый Толстяк.

– Почему наследник Тутти плачет? – спросил Второй.

А Третий надул щёки.

Наследнику Тутти было двенадцать лет. Он воспитывался во Дворце Трёх Толстяков. Он рос, как маленький принц. Толстяки хотели иметь наследника. У них не было детей. Всё богатство Трёх Толстяков и управление страной должно было перейти к наследнику Тутти.

Слёзы наследника Тутти внушили Толстякам большой страх, нежели слова оружейника Просперо.

Мальчик сжимал кулаки, размахивал ими и топал ногами.

Не было предела его гневу и обиде.

Никто не знал причины.

Воспитатели выглядывали из-за колонн, боясь войти в зал. Эти воспитатели в чёрных одеждах и в чёрных париках походили на закопчённые ламповые стёкла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.